

Юрий Ругенс

РАМАЯНА

Расшифровка

24 КЛЮЧА
К СПАСЕНИЮ ДУШИ

SENSEQUO

Юрий Ругенс

**Рамаяна: Расшифровка.
24 ключа к спасению души**

«Автор»

2026

Ругенс Ю.

Рамаяна: Расшифровка. 24 ключа к спасению души / Ю. Ругенс —
«Автор», 2026

Демон Равана выпросил неуязвимость от богов, демонов и небесных духов — и не потрудился упомянуть людей. Они показались ему слишком мелкими. С этой оплошности начинается «Рамаяна», и это первое, что поэма говорит о человеческом уме: то, что мы считаем ниже своего внимания, и есть дверь, через которую входит всё остальное. Индия читает эту поэму как карту внутренней жизни две тысячи лет. Книга продолжает эту традицию и ставит рядом пять других: каббалу, суфизм, веданту, даосизм, герметизм и психологию Юнга. Двадцать четыре сцены, от золотого оленя до испытания огнём, разобраны через шесть традиций, которые никогда не встречались, но раз за разом приходят к одному и тому же выводу. Каждый ключ заканчивается практикой, которую можно выполнить в тот же день. Цитаты даны в переводе автора с английской прозы Манматхи Натха Дутта.

© Ругенс Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
Вступление. История, которая есть путь	7
Степень первая	11
Ключ I	11
Ключ II	16
Ключ III	20
Степень вторая	25
Ключ IV	25
Ключ V	30
Ключ VI	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Юрий Ругенс

Рамаяна: Расшифровка.

24 ключа к спасению души

Оглавление

Вступление. История, которая есть путь

Ступень первая. Нисхождение

Ключ I. Дверь, которую оставила открытой гордыня

Ключ II. Сила и то, что выше силы

Ключ III. Лук, который ломается

Ступень вторая. Изгнание

Ключ IV. Старое обещание

Ключ V. Освобождённый при жизни

Ключ VI. Сандалии на троне

Ступень третья. Похищение души

Ключ VII. Рана, с которой начинается война

Ключ VIII. Золотой олень

Ключ IX. Колодец, прикрытый травой

Ступень четвёртая. Союзники

Ключ X. Царь птиц

Ключ XI. Плод ожидания

Ключ XII. Второй странник

Ступень пятая. Пробуждение

Ключ XIII. Стрела из-за дерева

Ключ XIV. Вспомни, кто ты

Ключ XV. Прыжок

Ступень шестая. Во вражеском городе

Ключ XVI. Перстень в роще

Ключ XVII. Огонь, который не жжёт

Ключ XVIII. Брат, который перешёл

Ступень седьмая. Война

Ключ XIX. Мост многих рук

Ключ XX. Спящий, который знал

Ключ XXI. Гора целебных трав

Ступень восьмая. Возвращение

Ключ XXII. Сердце Солнца

Ключ XXIII. Испытание огнём

Ключ XXIV. Возвращение в Айодхью

Заключение. Царство внутри

Вступление. История, которая есть путь

На берегу реки в Северной Индии мудрец по имени Вальмики спустился к воде совершить омовение. На деревьях неподалёку пара журавлей пела друг другу. Он смотрел на них, и тут стрела охотника поразила самца, а самка закружила над его телом с криком. Вальмики в горе проклял охотника — и с изумлением услышал, что его проклятие вышло мерными строками, в ритме, который можно петь. Поэма говорит, что тогда явился сам Брахма и велел ему рассказать этой новой формой всю историю Рамы.

Так индийская традиция помнит рождение поэзии. Вальмики называют *ади-кави*, первым поэтом, а его «Рамаяну» — первой поэмой. В переводе Манматхи Натха Датта Вальмики говорит о своём стихе: «Так пусть же он выйдет в мир как шлока, раз родился из моей скорби!» В санскрите здесь игра слов, которую не сохранит никакой перевод: *шока*, горе, стала *илокой*, стихом. И стоит заметить, о чём было это горе. О паре любящих, разлучённых насилием. Вся поэма, что следует дальше, — история другой такой пары.

Никто точно не знает, когда «Рамаяна» приобрела ту форму, в которой мы её читаем. Большинство учёных считают, что она складывалась несколько столетий, примерно между V веком до нашей эры и III веком нашей эры, а первую и последнюю из семи её книг считают более поздними добавлениями к древнему ядру. Несомненно одно: её никогда не переставали пересказывать. Есть «Рамаяны» на тамильском, бенгальском, хинди, телугу и на всех других языках Индии; в Таиланде, где она стала «Рамакиеном»; в Камбодже, Лаосе, Индонезии и Малайзии. Поэт и учёный А. К. Рамануджан написал знаменитое эссе «Триста Рамаян» и признавался, что число это скромное. Само название значит «путь Рамы», «шествие Рамы»: *Рама* и *аяна*, хождение.

Две тысячи лет внутреннего чтения

«Рамаяну» всегда читали больше чем на одном уровне. Большую часть своей истории она была одновременно священным текстом, нравственным кодексом, семейной драмой и повестью о войне. Но рядом с этими прочтениями идёт давняя традиция, которая видит в ней карту внутренней жизни.

Буддисты рассказывали свою версию, «Дашаратха-джатаку», где Рама — будущий Будда, который не плачет, узнав о смерти отца, и учит скорбящих братьев, что всё составное преходяще. Джайны рассказывали другую, где Равана — трагическая фигура, а Рама заканчивает жизнь монахом. В XIV или XV веке неизвестный автор сложил «Адхьятма-рамаяну», «духовную Рамаяну», которая пересказывает всю историю как учение недвойственной веданты: Рама — Брахман, единая реальность, а Сита — его сила проявления. «Йога-Васиштха», один из великих текстов индийской философии, построена как наставление, которое юный Рама получил от мудреца Васиштхи, прежде чем отправиться в путь.

В XVI веке поэт Тулсидас своей «Рамачаритаманасой», «Озером деяний Рамы», сделал эту историю сердцем североиндийского благочестия и объявил, что Имя Рамы выше даже самого Рамы. Богословы шри-вайшнавской традиции на юге построили целое учение о предании себя на одном стихе — на обете Рамы демону Вибхишане. Могольский император Акбар велел перевести поэму на персидский и украсить миниатюрами. В XX веке Махатма Ганди говорил о *Рама-раджье*, царстве Рамы, как о своём образе справедливого общества и, по преданию, умер с именем Рамы на устах.

Эта книга не выдумывает духовное прочтение «Рамаяны». Она входит в очень старый разговор — и приводит в него голоса других традиций, которые задавали те же вопросы на своих языках.

«Рамаяна» и русский читатель

Русской литературе Индия не чужая. В 1844 году Жуковский издал «Наля и Дамаянти», переложение эпизода из «Махабхараты», второго великого эпоса Индии, и поколения читателей узнали по нему, как звучит индийская любовная повесть. Санскрита Жуковский не знал и перелагал немецкий стихотворный перевод Фридриха Рюккерта — так что и русское знакомство с индийским эпосом началось с перевода с перевода. В 1948 году академик А. П. Баранников выпустил полный русский перевод поэмы Тулсидаса — «Рамаяна, или Рамачаритаманаса. Море подвигов Рамы». А П. А. Гринцер, крупнейший отечественный знаток древнеиндийского эпоса, начал в конце жизни переводить самого Вальмики с санскрита: первые две книги, «Балаканда» и «Айодхьяканда», вышли в серии «Литературные памятники» в 2006 году, третья, «Араньяканда», — уже посмертно, в 2014-м. Советскому зрителю многие сюжеты «Рамаяны» были знакомы по индийскому кино и по пересказам для детей.

И всё же для большинства из нас Рама, Сита и Хануман остаются именами из чужой сказки. Поэтому в этой книге рядом с параллелями из Библии, Корана, Гомера и Дао есть и наши собственные: Кощей и его игла, Жар-птица и Конёк-Горбунок, Людмила в садах Черномора, Иван Карамазов и Обломов. Не для того, чтобы свести «Рамаяну» к знакомому, а чтобы показать, что это знакомое всегда было частью того же разговора.

Почему «Рамаяна» работает как карта

Предыдущая книга этой серии, «Одиссея: расшифровка», читала поэму Гомера как историю души, ищущей дорогу домой. «Рамаяна» рассказывает другую историю, и разница поучительна. Одиссей пытается вернуться. Рама пытается вернуть. «Одиссея» — история возвращения; «Рамаяна» — история спасения.

Её устройство почти схематично ясно. Божественное существо соглашается родиться человеком, потому что только человек может победить демона. Его изгоняют с законного трона из-за старого обещания, которого он не давал. Его душу, в образе жены, похищает десятиглавый царь, воплощающий эго во всей его гордыне. Вернуть её в одиночку он не может. Ему нужны союзники из мира животных, и прежде всего сын Ветра, воплощающий само дыхание жизни. Он должен построить мост через океан, выдержать войну и пройти сквозь огонь. А потом он возвращается в город, чьё имя в древних ведийских гимнах служит и именем человеческого тела.

Почти каждый элемент приглашает читать себя на двух уровнях сразу, и язык самой поэмы часто говорит об этом прямо. Рама покидает дворец, говорит Вальмики, словно освобождённый ещё при жизни. Демон приходит к Сите в одежде святого, словно колодец, прикрытый травой. Огонь прохладен для того, кого хранит верность. Эта книга идёт за этими приглашениями, сцена за сценой.

Шесть линз

Каждый ключ этой книги читает одну сцену «Рамаяны» через шесть традиций. Они выбраны потому, что у каждой есть своя карта внутреннего пути, и потому, что места, где они расходятся, так же поучительны, как места, где они сходятся.

Каббала, мистическая традиция иудаизма, говорит об изгнании Шхины, божественного присутствия, и о долгой работе исправления мира через собирание рассеянного. Её образ Царя, разлучённого с Невестой, поразительно близок к истории Рамы и Ситы.

Суфизм, внутренний путь ислама, описывает душу как влюблённую в разлуке, а путь — как борьбу с низшим «я», нафсом, пока между влюблённым и Возлюбленным не останется ничего.

Веданта, философия упанишад и «Бхагавадгиты», — родной язык духовных читателей «Рамаяны». Она учит, что Атман никогда по-настоящему не утрачен, лишь забыт, и что освобождение есть узнавание.

Даосизм, учение Лао-цзы и Чжуан-цзы, говорит о Пути, который действует мягкостью, уступчивостью и возвращением, и о мудреце, который не соперничает и потому не может быть побеждён.

Герметизм, западное эзотерическое течение, идущее от «Герметического свода» к алхимикам Возрождения, описывает нисхождение души в вещество и её восхождение обратно сквозь сферы, и Великое Делание, в котором низкая материя становится золотом.

Юнгианская психология, современная линза, читает те же сцены как драму психики: это и Самость, тень и аниму, встречу с бессознательным и медленную работу становления целым.

Седьмой слой: путь Рамы

Под шестью линзами идёт одна нить. Двадцать четыре ключа собраны в восемь ступеней — от нисхождения божественного ребёнка до возвращения в Айодхью. Каждый ключ заканчивается заметкой «Путь Рамы», которая отмечает, где ты стоишь на дороге, что умирает в этой сцене и что рождается.

Число двадцать четыре выбрано не случайно. Индийская традиция считает, что в поэме Вальмики двадцать четыре тысячи стихов и что каждая тысяча открывается одним слогом Гаятри — двадцатичетырёхсложной молитвы божественному Солнцу, чей риши, Вишвамित्रа, стал первым учителем Рамы. Точна ли эта традиция исторически или нет, она выражает нечто верное о поэме: она начинается и кончается Солнцем.

В первый раз читай ключи по порядку. Поэма построена на отголосках. Колодец, прикрытый травой, появляется дважды; золотому оленю и золотому городу отвечает пылающее золото Ситы; сандалии, оставленные на троне в шестом ключе, ждут стоп двадцать четвёртого.

Как устроен каждый ключ

Фрагмент — слова самого Вальмики с указанием книги и песни.

Сцена — что происходит вокруг этих слов, и за ней **главная мысль**: суть сцены в одной-двух строках.

Шесть прочтений — сцена сквозь каждую традицию, и каждое открывается её главным учением.

Путь Рамы — место сцены на дороге.

Универсальный паттерн — то, что объединяет шесть прочтений, и отзвук той же истории в другой культуре.

Практика — одно дело, которое можно сделать с ключом в обычной жизни.

О тексте

Все цитаты из «Рамаяны» даны в авторском переводе на русский с полного английского прозаического перевода Манматхи Натха Датта, изданного в Калькутте в 1891–1894 годах. Это перевод с перевода, и честнее сказать об этом сразу. Такой выбор сделан для того, чтобы вся книга, и русское, и английское её издание, опиралась на один и тот же источник, а каждая цитата была сверена с опубликованным текстом, а не приведена по памяти. Слог Датта викторианский и местами непривычный; в русском переводе сохранён его чуть архаичный тон. Номера песен даны по изданию Датта и не всегда совпадают с нумерацией современных критических изданий.

Вне цитат имена даны в простой, привычной русскому читателю форме: Рама, Сита, Хануман, Дашаратха, Равана. Там, где знаменитый эпизод принадлежит поздней традиции, а не Вальмики, — как черта, которую Лакшмана будто бы провёл вокруг хижины Ситы, или белка, помогавшая строить мост, — ключ об этом говорит. Места из других писаний и учителей даны в авторском пересказе.

Ступень первая Нисхождение

Бала-канда

Ключ I Дверь, которую оставила открытой гордыня

Фрагмент

«Он просил так: „Пусть не смогут убить меня ни гандхарвы, ни якши, ни боги, ни ракшасы!“ — и я сказал: „Да будет так“. По надменности своей ракшас не упомянул тогда людей. Оттого одним лишь человеком он и может быть убит; никаким другим способом конца его не достичь».

И тогда тот, чьи глаза подобны лепесткам лотоса, разделив себя на четыре части, избрал себе в отцы царя Дашаратху.

Бала-канда, песнь XV. Брахма отвечает богам, и Вишну избирает себе рождение.

Сцена

Поэма начинается с царя, у которого есть всё, кроме наследника. Дашаратха, правитель Айодхьи, стар, праведен и бездетен, и ради сыновей он совершает великое жертвоприношение. Пока жрецы кормят огонь, над огнём собираются боги — со своей собственной жалобой. Царь ракшасов по имени Равана сделал три мира непригодными для жизни. Когда-то он предавался такому свирепому подвижничеству, что Брахма, творец, дал ему дар: ни бог, ни демон, ни одно небесное существо не сможет его убить.

Но, перечисляя силы, которых он опасался, Равана не потрудился упомянуть людей. Они казались слишком мелкими, чтобы брать их в расчёт. И Вишну, хранитель мира, соглашается родиться человеком и делит себя на четыре части. Из жертвенного огня поднимается тёмное сияющее существо с золотым сосудом паясама — сладкого риса, сваренного на молоке. Царь делит его между тремя жёнами. Каусалья получает половину и рождает Раму; Кайкейи рождает Бхарату; Сумитра, которой достались две доли, рождает близнецов — Лакшману и Шатругхну.

Главная мысль

Эго бронируется от каждой силы, которой боится, и забывает о той, которую презирает. Божественное входит в дверь, оставленную открытой гордыней: в обыкновенную человеческую жизнь.

Каббала

Свет и смиренный сосуд

О гордеце Святой говорит: Я и он не можем жить в одном мире.

Эти слова сохранил Талмуд, трактат «Сота», и еврейская мистика сделала их законом внутренней жизни. Гордыня — не просто изъян характера. Это полнота, которая не оставляет места ничему другому. Равана заполнил собою весь мир, и получилось ровно то, что обещает Талмуд: божественному не нашлось места ни в одном из великих существ, которых он подмял под себя. Войти оно может только через то, что он оставил пустым.

Каббала говорит о всяком нисхождении святости как о встрече *ор*, света, и *кли*, сосуда. Свет бесконечен, но входит в мир ровно в той мере, в какой сосуд способен его принять. Поэтому каббалисты так ценили *битуль* — самоумаление, делающее человека достаточно полым, чтобы вместить большее, чем он сам. Золотой сосуд с паясом, поднимающийся из огня, — точный образ этого закона. Божественное приходит не молнией. Оно приходит едой, разделённой на доли, и его принимают три женщины, каждая по своей мере.

Стоит заметить и другое созвучие. Вишну входит в мир, разделив себя на четыре. Самое святое имя Бога в еврейской традиции, четырёхбуквенное ЙХВХ, каббалисты читали как четыре мира, сквозь которые единый свет спускается в физическое. Число здесь не случайность рассказчика. Когда бесконечное входит в конечное, ему словно нужны четыре двери.

Суфизм

Тот, кого презрел Иблис

Гордый ангел отказался склониться перед глиной, а глина хранила дыхание Бога.

Коран рассказывает, как Бог велел ангелам склониться перед Адамом. Склонились все, кроме Иблиса, сказавшего: я лучше его, меня Ты создал из огня, а его из глины. Грех Иблиса был не столько бунтом против Бога, сколько презрением к тому, что Бог решил почтить. Он посмотрел на Адама и увидел только грязь.

Ошибка Раваны — та же самая. Он просил защиты от богов и демонов, существ огня и силы, подобных ему самому, и не снизошёл до упоминания людей. А Коран добавляет ту деталь, которая делает промах Иблиса роковым: в эту глину Бог вдохнул нечто от Своего духа. Презренное вещество несло в себе само присутствие, которого гордый ангел не разглядел.

Суфийские учителя возвращались к этой сцене снова и снова, потому что узнавали Иблиса в себе. *Нафс*, низшая душа, редко презирает Бога открыто. Она презирает малое: скучную работу, простого человека, обычную минуту, тело, соседа. Суфийский путь во многом и есть обучение видеть то, чего не увидел Иблис. Кто научился чтить глину, находит внутри неё дыхание.

Веданта

Нисхождение

Когда праведность слабеет, Я посылаю Себя в мир.

В четвёртой главе «Бхагавадгиты» Кришна, сам воплощение Вишну, формулирует закон, по которому происходит эта сцена: всякий раз, когда *дхарма* приходит в упадок, а беззаконие поднимается, Я являю Себя из века в век — защитить добрых и уничтожить злых. Санскритское слово для такого явления — *аватара*, от корня со значением «переправляться вниз». Аватара — не переодетый бог. Это бесконечное, согласившееся на спуск в ограниченность.

Веданта придаёт этому спуску внутренний смысл. «Адхьятма-рамаяна», средневековый пересказ поэмы как труда по духовной философии, представляет Раму самим Брахманом, единой реальностью, а Ситу — его силой проявления. При таком чтении рождение Рамы — это то, что происходит в каждом ищущем, когда Атман, который никогда и не отсутствовал, начинает действовать внутри одной конкретной человеческой жизни.

И заметь, кто просит об этом нисхождении. Не человечество. Боги — могущественные и беспомощные одновременно. Дар Раваны обещал против него всякую высшую способность. На языке веданты это значит: никакая утонченность, никакой небесный опыт, никакая тонкая сила не побеждают эго, потому что эго уже выторговало себе неуязвимость от всего этого. Дотянуться до него может только Атман, вошедший в скромное поле обыденной жизни.

Даосизм

Низкое место

Реки и моря потому цари сотни долин, что лежат ниже их.

Шестьдесят шестая глава «Дао дэ цзин» объясняет, почему море властвует над всеми реками: оно научилось держаться ниже них. Восьмая глава хвалит воду за то, что она располагается в местах, которые люди презирают. А семьдесят восьмая договаривает до конца: нет в мире ничего мягче и слабее воды, и нет ничего, что лучше неё одолевало бы твёрдое и сильное.

Равана — шедевр высоты. Он поднялся выше богов, выше небожителей, выше демонов и обезопасил себя от всего, что на его уровне и над ним. Не охраняет он одного — земли. Даос сказал бы, что он совершил классическую ошибку власти: смотрел вверх и по сторонам и ни разу не посмотрел вниз.

Дао действует из низкого места. Оно не соперничает, и потому с ним никто не может соперничать. План богов в этой сцене почти комически даосский. Не имея сил победить, они выбирают самое слабое из возможных орудий: младенца у старого царя. То, чего не могут сильные, совершают малые — просто потому, что их не замечают.

Герметизм

Великое чудо

Человек есть великое чудо, достойное почитания и чести.

Герметический трактат «Асклепий» содержит одну из самых знаменитых фраз Возрождения: *magnum miraculum est homo*, человек есть великое чудо. Причина, объясняет Гермес, в том, что лишь человек стоит между двумя мирами. Телом он принадлежит природе, умом — сродни богам. Он может войти в природу бога, как если бы сам был богом.

Именно этого Равана и не увидел. Он взвесил силы вселенной и счёл человека величинной, которой можно пренебречь. Герметист сказал бы, что он не понял самого устройства творения. Человек — не существо низшего разряда, которое можно не вносить в список. Человек — шарнир космоса, единственное создание, через которое божественное может действовать внутри вещества.

Есть здесь и алхимическая нота. Существо, поднявшееся из жертвенного огня, держит золотой сосуд под серебряной крышкой: золото и серебро, Солнце и Луна, два начала, которые всякий алхимик стремился соединить. И содержимое сосуда — не оружие. Это пища, которая превращается в жизнь уже внутри тела. Великое Делание в герметической традиции всегда начинается так: нечто сверху входит в сосуд внизу и претерпевает там превращение.

Юнгианская психология

Слепое пятно

Бессознательное входит в ту дверь, которую эго не сторожит.

Равана — фигура того, что Юнг называл инфляцией: эго, раздутое заёмной силой до того, что отождествляет себя с чем-то неизмеримо большим, чем оно есть. Раздутое эго чувствует

себя неуязвимым, и в каком-то смысле оно право. Оно защитилось от всякой угрозы, какую способно вообразить. Но вообразить оно способно только угрозы, похожие на него самого.

Юнг замечал, что бессознательное почти никогда не врывается через наши сильные стороны. Оно входит через подчинённую функцию — ту часть личности, которой мы пренебрегали и которую тихо презирали, потому что именно за ней мы не следим. Что мы считаем не стоящим внимания, там и появляется превращение. Малое, наивное, неразвитое — вот незапертая дверь.

Важна и форма, в которой приходит спаситель. В работе о божественном ребёнке, написанной вместе с филологом Карлом Кереньи, Юнг описал, как новый принцип целостности является в мифе именно ребёнком — ничтожным и божественным одновременно, рождённым в трудных обстоятельствах. И здесь божественный ребёнок приходит четвером. Четыре для Юнга — число самой целостности, кватерность, которая всплывает в снах и символах всякий раз, когда психика движется к завершённости. Самость входит в мир не одним героем. Она входит целиком.

Путь Рамы

Нисхождение

Где ты сейчас: ещё до начала истории, в жизни, которой правит нечто настолько сильное, что кажется недостижимым.

Что умирает: вера в то, что значение имеют только великие силы, а малое и обыденное не стоит внимания судьбы.

Что рождается: Самость в человеческом облике. Нечто божественное согласилось жить внутри границ обычной жизни.

Универсальный паттерн

Шесть традиций сходятся в одном: гордыня губит себя тем, что отказывается видеть. Гордый защищается от равных и от высших и забывает про смиренное. И во всякой традиции спасение выбирает именно эту забытую дверь: пустой сосуд, глину, хранящую дыхание, нисхождение аватары, низкое место воды, человеческий шарнир творения, заброшенную функцию психики.

Скандинавский миф рассказывает то же самое. Когда любимому богу Бальдру приснилась его смерть, мать его Фригт взяла со всех вещей на свете клятву не причинять ему вреда: с огня и воды, железа и камня, со всякого зверя и всякого растения. Омелу она обошла — та показалась слишком молодой и невзрачной, чтобы принимать её в расчёт. После этого боги забавлялись тем, что метали в Бальдра всё подряд, ведь ничто не могло его ранить. Убил его прут омелы.

Русская сказка знает ту же логику с другой стороны. Кощей Бессмертный неуязвим для меча и для войска, и вся его сила держится на том, чего никто не принимает всерьёз: на игле в яйце, в утке, в зайце, в сундуке. Огромное всегда держится на малом и падает от малого. Клятва, покрывающая весь мир, всегда оставляет в стороне одну мелочь, и на ней и поворачивается вся история.

Практика

Незащищённая дверь

Возьми лист бумаги и раздели его чертой пополам.

Слева выпиши то, от чего ты защищаешься: людей, события и силы, которые принимаешь всерьёз, угрозы, к которым готовишься.

Справа выпиши то, что считаешь слишком мелким, чтобы иметь значение: привычки, людей, чувства, части своего тела или своего дня, которые ты попросту перестал замечать.

Потом медленно перечитай правый столбец и спроси о каждой строке:

Если бы нечто хотело до меня дотянуться, вошло бы оно здесь?

Сохрани этот лист. В ближайшие недели замечай, как часто то, что меняет твою жизнь, приходит справа.

Ключ II

Сила и то, что выше силы

Фрагмент

«О Рама, дитя, прими этой воды, и да не будет промедления. Прими мантры Бала и Атибала — и не узнаешь ни усталости, ни жара, и лицо твоё не переменится; и спящего или беспечного ракшасы не сумеют застать тебя врасплох.

И если, о Рама, лучший из людей, ты будешь повторять Бала и Атибала в пути, ни голод, ни жажда не одолеют тебя, о потомок Рагху!»
Бала-канда, песнь XXII. Вишвамित्रа говорит с Рамой на берегу Сараю.

Сцена

Ко двору Дашаратхи приходит прославленный подвижник. Вишвамित्रа когда-то и сам был царём; он оставил трон и целые эпохи провёл в аскезе, пока не стал одним из величайших мудрецов своего века. Теперь два ракшаса, Марича и Субаху, оскверняют его жертвоприношение кровью и мясом, и у царя он просит одного: старшего сына, Раму, на десять дней. Дашаратха раздавлен. Мальчику нет и шестнадцати, умоляет он; возьми моё войско, возьми меня самого. А когда мудрец называет силу, что стоит за демонами, у царя окончательно сдают нервы: против Раваны — что может человек?

Домашний жрец Васиштха уговаривает его, и царь отдаёт сына. Рама и его брат Лакшмана выходят из города вслед за Вишвамित्रой, с луками в руках. На берегу реки Сараю мудрец останавливается, велит Раме отпить воды и даёт ему две мантры — Бала и Атибала: Сила и То, что выше силы. Первую ночь вдали от дома царевичи спят на траве, и ночь, сказано в поэме, проходит для них приятно — в обществе мудреца.

Главная мысль

Первый учитель приходит, чтобы увести тебя из отцовского дома, а не чтобы сделать этот дом уютнее. И первый его дар — не оружие, а способность не засыпать.

Каббала

Иди к себе

Путь начинается, когда ты выходишь из дома своего отца.

Духовная история Израиля начинается с повеления Аврааму: уйди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе. На иврите первые слова — *лах леха*, буквально «иди к себе», и хасидские учителя много вычитывали из этой странной формулы. Дорога прочь от дома — это дорога к себе, которым ты ещё не стал.

Горе Дашаратхи — голос отцовского дома. Он предлагает всё, чем владеет, лишь бы сын остался: войско, собственную жизнь. Учитель отказывается. То, что нужно мальчику, нельзя дать внутри стен, которые его защищали. И показательно, что Вишвамित्रа просит всего десять дней: традиция Дней Трепета отводит десять дней между новолетием и Днём Искупления —

срок, в который судьба человека записывается и ещё может быть изменена. Десяти дней хватает, чтобы переменить участь.

У двух мантр есть и своё созвучие на языке каббалы. *Гвура*, сила, — одна из десяти сфирот, мера строгости и самоограничения. Но над всякой сфирой стоит то, что каббалисты называли *Кетер*, венец, — то, что выше любых свойств. Сила и то, что выше силы: порядок дара повторяет порядок восхождения.

Суфизм

Глаза мои спят, сердце моё не спит

Дар настоящего учителя — бодрствование, которое продолжается и во сне.

Всякий суфийский орден описывает одно и то же начало: ищущий должен что-то оставить, чтобы пойти за шейхом. Шейх не льстит семье и не объясняется. Он просит сердце дома, и дом горюет. Требование Вишвамитры — требование всякого подлинного наставника.

Вслушайся в то, что обещают мантры. Спящего или беспечного демоны не сумеют застать врасплох. Главного врага души суфии зовут *гафла* — беспечность, забывчивость, и вся практика *зикра*, поминания Бога, нацелена на один-единственный результат: на сердце, которое помнит, даже когда ум занят другим. О себе Пророк сказал, в хадисе, приведённом у Бухари: глаза мои спят, но сердце моё не спит.

Второе обещание — свобода от голода и жажды в пути — указывает на другую суфийскую дисциплину. Наставники практиковали намеренный голод, не как наказание, а как способ ослабить хватку *нафса*. Душа, которой не правит желудок, способна идти. Рама получает в самом начале то, на что дервиши тратят годы.

Веданта

Мудрец Гаятри

За царевичем приходит тот, кому открылся самый священный стих Веды.

Вишвамित्रа — не рядовой отшельник. Ведийская традиция считает его риши, которому открылась мантра Гаятри, стих из третьей книги «Ригведы», который всякий дваждырождённый повторяет на рассвете и на закате: мы размышляем о дивном свете божественного солнца, да просветит он наш разум. В Гаятри двадцать четыре слога, и предание говорит, что каждая тысяча стихов поэмы Вальмики открывается одним из них. Первый учитель Рама — учитель Гаятри.

С этим же мгновением связано ещё одно предание. «Йога-Васиштха», один из великих текстов не двойственной веданты, начинается с того, что Вишвамित्रа приходит просить Раму и застаёт юного царевича в странном унынии. Рама повидал мир и нашёл его пустым; он больше не ест и ни о чём не заботится. Двор встревожен. Мудрецы в восторге. Эта отрешённость, *вайрагья*, и есть почва, на которой только и может взойти высшее учение, и вся огромная книга дальше — наставление, которое получает Рама.

Мудрец называет Балу и Атибалу кормилицами всякого знания. В веданте *видья*, знание, — не сведения. Это ясное видение, устраняющее неведение, а по-настоящему изматывает человека только неведение. Обещание свободы от усталости и жара — то самое обещание, которое каждая упанишада даёт на свой лад: познавший Атман выходит за пределы скорби.

Даосизм

Пить росу

Тот, кто опустошил сердце, не голоден в дороге.

В первой главе «Чжуан-цзы» кто-то описывает святое существо, живущее на далёкой горе. Кожа его как лёд и снег; оно не ест пяти злаков, а вдыхает ветер и пьёт росу и ездит на облаках за пределы четырёх морей. Поздние даосы читали такие места буквально и разработали практики воздержания от зерна. Но глубже речь идёт о самой нужде. Тот, кто согласован с Путём, больше не движим обычными голодами.

Четвёртая глава той же книги описывает то, что Чжуан-цзы называет постом сердца. Не слушай ушами, говорит в этой притче Конфуций ученику; слушай сердцем. Потом не слушай и сердцем — слушай *ци*, дыханием. Путь собирается в пустоте, и пустота эта и есть пост сердца.

Первый дар, который получает Рама, — именно такая пустота. Ему не дают новых желаний и новых притязаний. Ему дают способ не быть управляемым старыми. Глоток воды, два звука, ночлег на траве: даос узнал бы здесь каждую деталь. Дорога начинается с лёгкости.

Герметизм

Чаша

Погрузись в эту чашу, если можешь.

Четвёртый трактат «Герметического свода» рассказывает, как Бог наполнил огромную чашу, кратер, Умом и послал её на землю с вестником. Вестнику было велено возгласить человеческим сердцам: погрузись в эту чашу, если можешь, если веришь, что взойдёшь к Тому, кто её ниспослал, если знаешь, ради чего ты появился на свет. Те, кто услышал и погрузился, стали цельными и обрели Ум.

Первое указание Вишвамитры — почти тот же жест. Прими этой воды, говорит он Раме, и да не будет промедления. Только после того, как царевич отпил из реки и очистился, он получает мантры. Вода — это порог. То, что за ним, — не приём и не техника, а новая способность ума.

Герметические авторы настаивали: *гнозис*, знание, не прибавляется человеку извне. Он пробуждает то, что уже было. Поэтому учитель и должен прийти из-за пределов семьи. Отец может предложить только ещё немного того мира, который знает сам. Чашу протягивает тот, кто уже перешёл от царства к мудрости.

Юнгианская психология

Мудрый старец

Когда герой беспомощен, появляется старик.

В работе о феноменологии духа в сказке Юнг описал одну из самых устойчивых фигур мифа — мудрого старца. Он появляется, замечал Юнг, именно тогда, когда герой оказывается в безвыходном положении, из которого его может вывести только глубокое размышление или счастливая мысль. Он воплощает знание, понимание и интуицию и часто даёт юному герою волшебный дар в дорогу.

Но сцена начинается с другого старика — с Дашаратхи. Царь здесь образ оберегающего родителя, и его крик — голос всякого родительского комплекса: сын слишком юн, возьми меня вместо него, что может человек против таких сил? Психика, оставшаяся в отцовском доме, так этого и не узнает. Индивидуация, по Юнгу, всегда начиналась с болезненного отделения от родительских образов.

И заметь сам дар. Не меч, а два слова. Юнг считал, что бессознательное компенсирует недостающее сознанию, и здесь оно компенсирует отчаяние отца. Сила и то, что выше силы: символ собственной мощи эго и символ большей мощи Самости, стоящей за ним.

Путь Рамы

Зов

Где ты сейчас: на пороге отцовского дома, позванный тем, кто просит больше, чем ты считаешь возможным дать.

Что умирает: защищённость детства и удобная вера, что между тобой и демонами всегда будет стоять кто-то другой.

Что рождается: дисциплина внимания, которая не засыпает, — первая внутренняя сила, принадлежащая тебе, а не твоей семье.

Универсальный паттерн

Шесть традиций описывают один и тот же порог. Голос из-за пределов семьи зовёт ищущего прочь: повеление выйти, шейх у дверей, мудрец, пришедший за отчаявшимся царевичем, вестник с чашей, старик на перекрёстке. И все сходятся в том, что первый дар — не власть над миром, а свобода от его обычных голодов и бодрствование, которое не прерывается сном.

Читавший Гомера узнает эту сцену. В начале «Одиссеи» Афина приходит к юному Телемаху — сперва под видом друга семьи, потом в облике старого советника Ментора — и уводит его из дворца, где женихи матери проедают его наследство. Из этого мгновения слово «ментор» и пришло в наш язык. Мы разбирали этот ключ в предыдущей книге серии; здесь важно, что рисунок повторяется в культуре, ничего не знавшей о Гомере. Первый шаг героя всегда делается рядом со старшим и всегда прочь от дома.

Русская сказка держит тот же порядок: прежде чем герой получит коня и меч, его выводят за околицу и дают слово, наказ или горсть земли — то, что в дороге кажется пустяком и на деле оказывается единственной защитой.

Практика

Два слова

Выбери на ближайшую неделю две короткие фразы.

Первая — твоя Бала: фраза, которая тебя держит и напоминает о силе, уже у тебя имеющейся.

Вторая — твоя Атибала: фраза, которая напоминает, что ты больше собственных усилий и что тебя ещё и несёт нечто большее.

Повторяй их так, как велел Вишвамित्रа, — в пути: когда идёшь, едешь, ждёшь, в любую минуту между одним местом и другим. Каждый вечер спрашивай себя:

Где я сегодня уснул с открытыми глазами?

Не пытайся ничего исправлять. Просто замечай. Мантры даны не для того, чтобы сделать тебя сильным. Они даны, чтобы ты не спал.

Ключ III

Лук, который ломается

Фрагмент

«И когда я пахал поле, поднялась дева; и, поскольку я обрёл её, освящая поле для жертвы, она стала известна под именем Сита. Поднявшись из земли, она росла как моя дочь».

По слову отшельника, на глазах у бесчисленных тысяч зрителей праведный сын Рагху с величайшей лёгкостью взял лук посередине и наложил на него тетиву, а наложив, натянул. И этот прославленный лучший из людей переломил лук пополам. И раздался громкий звук, подобный удару грома; земля страшно содрогнулась, как содрогается она близ раскалывающейся горы; и, оглушённые этим звуком, все повалились наземь — кроме лучшего из подвижников, царя и двух Рагхавов.

Бала-канда, песни LXVI–LXVII. Царь Джанака рассказывает о рождении Ситы, и Рама берёт лук.

Сцена

Жертвоприношение Вишвамитры защищено: царевичи убили демоницу Тараку и одной стрелой отбросили Маричу. Мудрец ведёт их дальше, в царство Видеха, которым правит мудрый царь Джанака. В городе Джанаки хранится древний лук, принадлежавший некогда самому Шиве. Бог поднял его в гневе против богов на жертвоприношении Дакши, а после лук был отдан предкам Джанаки на священное хранение.

У Джанаки есть дочь, не похожая ни на кого. Распахивая поле, чтобы приготовить его для жертвы, он нашёл её поднимающейся из земли и назвал Ситой, что значит «борозда». Выкуп за невесту — этот лук: он отдаст дочь лишь тому, кто сумеет его натянуть. Цари съезжались отовсюду и не могли; некоторые от обиды даже осаждали его город. Лук привозят в железном сундуке на восьмиколёсной повозке, которую еле тянут пять тысяч человек. Рама берёт его посередине, без усилия надевает тетиву, натягивает — и лук с громовым треском разламывается надвое.

Главная мысль

Душу получает не тот, кто способен вынести тяжесть старой формы, а тот, кто способен её сломать. Сита поднимается из земли и выходит за того, кто не боится звука ломающегося.

Каббала

Невеста снизу

Шхина обитает в земле и ждёт своего Царя.

Низшая из десяти сфирот в каббале — *Малхут*, царство, называемая также Шхиной, пребывающим присутствием Бога. Это сфира, ближайшая к физическому миру, та, которую

«Зогар» зовёт землёй, морем, луной и невестой. Вся духовная работа каббалиста направлена на её соединение с *Тиферет*, красотой, центральной сфирой, которую традиция называет Святым Царём. Когда они соединены, благословение течёт во все миры.

Сита — дочь земли в самом буквальном смысле. Она поднимается из борозды во время священной вспашки: присутствие, скрытое в почве, пока поле не подготовлено. А царевич, за которого она выходит, принадлежит солнечной династии. Свадьба Рамы и Ситы — свадьба неба и земли, и каббалист узнал бы в ней *йихуд*, святое соединение, которое исправляет мир.

Но между ними стоит лук, которого никто не может сдвинуть. Лурианская каббала говорит о *швира*т ха-келим, разбиении сосудов: в начале творения сосуды, слишком жёсткие, чтобы вместить божественный свет, раскололись, и вся последующая история — работа по собиранию рассыпанного. Поступок Рамы — маленькая, добровольная версия того же космического разбиения. Сосуд, когда-то служивший божественному, стал преградой. Только словом его, можно дойти до невесты.

Суфизм

Разбить идола

Сердце должно разбить то, чему поклонялось.

Коран рассказывает, как юный Ибрахим вошёл в храм своего народа и разбил идолов на куски — всех, кроме самого большого. Суфии читали эту историю внутрь. У всякого ищущего есть храм, полный идолов: закреплённые представления о Боге, унаследованные формы благочестия, мерки достоинства, затвердевшие до состояния предмета поклонения. Друг Божий — тот, кто готов их разбить.

Луку Джанаки поклоняются поколениями. Его умащают благовониями и увивают цветами. Цари пытались одолеть его силой, а не сумев, превращали досаду в войну. Это нафс в самом узнаваемом виде: не умея согнуть священное под себя, он берёт его в осаду. Рама делает то, чего не пробует никто. Он не относится к луку ни как к добыче, ни как к святыне. Он просто им пользуется — и, пользуясь, ломает.

И делает это с величайшей лёгкостью. Суфии резко различают то, чего душа добивается усилием, и то, что приходит по *инайату*, божественной милости. Цари надрывались; царевича — несли. В суфийских кругах часто повторяют слова, вложенные в уста Бога: Я с теми, чьи сердца разбиты ради Меня. Треск ломающегося лука — звук сердца, которому больше не нужны его идолы.

Веданта

Дочь бестелесного

Душу отдаёт тот, у кого нет тела, тому, кто способен отпустить лук.

Джанака — одна из самых почитаемых фигур всей веданты. «Брихадараньяка-упанишада» показывает, как он учится у мудреца Яджнявалкьи, а «Аштавакра-гита», классика недовойственного учения, целиком построена как беседа Джанаки с мудрецом Аштавакрой. Он — образец *дживанмукты*, освобождённого при жизни: правит царством, не будучи управляем им. Земля его зовётся Видеха, и индийская традиция давно слышит в этом имени второй смысл: «бестелесный». Ситу зовут Вайдехи — дочь бестелесного.

«Мундака-упанишада» берёт образ лука для всей духовной практики: священный слог Ом — лук, я сам — стрела, Брахман — цель. Лук — орудие огромной мощи, и здесь он к тому же принадлежит Шиве. И он же — груз, который еле тянут пять тысяч человек. Цари, приехавшие за Ситой, хотели присвоить себе силу практики. Ни один не смог даже поднять её.

Рама поднимает, натягивает до предела и даёт сломаться. Ведантическое чтение здесь тонкое. Дисциплина необходима: тетива должна быть надета, лук должен быть натянут. Но тот, кто держится за оружие, до цели не доходит. Сита в «Адхьятма-рамаяне» — сама божественная сила. Её получают не тем, что удерживают лук. Её получает тот, кто способен использовать лук до конца и оставить его позади.

Даосизм

Твёрдое и податливое

Твёрдое и жёсткое — спутники смерти.

Семьдесят шестая глава «Дао дэ цзин» замечает: человек при рождении мягок и податлив, а мёртвый твёрд и жёсток; то же и с травами и деревьями. Жёсткое и твёрдое — спутники смерти, мягкое и податливое — спутники жизни. Негнущееся дерево, заключает глава, будет сломано.

Лук Шивы — самое твёрдое, что есть в мире. Ни бог, ни демон не может его согнуть. И он ломается в то самое мгновение, когда его натягивают до конца. Даос сказал бы, что именно это и случается с жёсткостью. Всё, что разучилось уступать, рано или поздно трескается.

Следующая же глава берёт тот же образ. Путь Неба, говорит она, подобен натягиванию лука: высокое пригибается, низкое поднимается. В этой сцене высокое и низкое меняются местами ровно так, как описано. Девочка, поднявшаяся из борозды, возводится на трон, лук, которому поклонялись цари, лежит обломками, а тот, кто это сделал, действует с той ненапряжённой лёгкостью, которую даосы называли *у-вэй*.

Герметизм

Солнце и земля

Отец его — Солнце, мать — Луна, а Земля его кормилица.

«Изумрудная скрижаль», основополагающий текст герметической алхимии, описывает рождение единой вещи, из которой происходит всё. Отец её — Солнце, мать — Луна, ветер носил её в своём чреве, а Земля её кормилица. Она восходит от земли к небу и снова нисходит на землю и принимает силу высшего и низшего.

Рама — царевич солнечной династии, потомок Солнца. Сита рождена самой землёй. Их брак — то, что алхимики называли *coniunctio*, царская свадьба солнечного и земного начал; самую известную литературную форму этот образ получил в «Химической свадьбе Христиана Розенкрейца», изданной в 1616 году, где духовное странствие завершается венчанием короля и королевы.

Обрати внимание и на порядок действий. Сперва тетива закрепляется, потом лук натягивается до предела, и только потом ломается. Алхимия называет первую из этих операций фиксацией: летучее вещество делают устойчивым, способным выдержать огонь. Герметический путь идёт ровно в этой последовательности: сначала закрепить, потом растянуть до предела, потом отпустить сосуд, который своё отслужил.

Юнгианская психология

Анима из земли

До образа души не добраться по меркам, которых не смог взять никто другой.

Внутренний женский образ в психике мужчины Юнг называл анимой — фигурой, через которую он связан с собственной глубиной. В мифе её чаще находят, чем рождают: в пещере, в

воде, в спящем замке. Сита поднимается из земли, минуя обычный источник, — как и говорит Джанака. Она не продукт никакой родовой линии. Она приходит прямо из почвы психики.

Между героем и анимой стоит лук — унаследованная мерка, которой поклонялись поколениями и которой не смог соответствовать ни один царь в мире. На языке Юнга это коллективный идеал, персона, которую требует традиция. Герой индивидуации не обыгрывает коллектив в его собственной игре. Он ломает саму игру. Индивидуация всегда включает шаг за пределы того, что коллектив освятил.

А потом приходит гром. Все в зале падают наземь, кроме четверых: учитель, царь и два брата. Когда ломается старая форма, большую часть психики сшибает с ног ударной волной. Устоять остаётся то, что уже состояло в отношениях с Самостью. И не случайно среди устоявших — мудрый Джанака. Тот, кто всю жизнь берёт лук, никогда не был к нему привязан.

Путь Рамы

Разлом

Где ты сейчас: перед первым настоящим испытанием: унаследованная форма, которую все чтут и никто не может сдвинуть.

Что умирает: почтение к форме в ущерб её назначению и уверенность, что ты обязан нести всякий груз, который тебе вручили.

Что рождается: первое соединение с собственной душой, которая приходит из почвы более глубокой, чем твоя семья и твоя культура.

Универсальный паттерн

Шесть традиций описывают один порог с разных сторон. Между ищущим и душой стоит старая священная форма: жёсткий сосуд, идол в храме, лук практики, негнущееся дерево, непреобразованное вещество, коллективный идеал. А сама душа приходит снизу — из земли, из борозды, из основания бытия. И во всякой традиции она достаётся не тому, кто оказался сильнее всех, а тому, кто перестал путать орудие с целью.

Европа рассказывает то же самое про меч в камне. Короли и рыцари тянут клинок из всех сил и не сдвигают его; приходит мальчик, не знающий, что совершает подвиг, и вынимает меч без усилия, потому что ему просто нужен меч для чужого поединка. Испытание, которое нельзя взять силой, всегда берёт тот, кто не пытается на нём возвыситься.

И у этого правила есть вторая половина, о которой забывают. Сломанный лук никто не чинит. Форма, отслужившая своё, не восстанавливается — на её месте начинается брак, то есть отношения, которые надо будет проживать дальше. Разлом в этой истории не финал, а свадьба.

Практика

Лук, который ты несёшь

Выпиши три формы, которые ты чтить и которые тебе тяжелы: правило, которое не обсуждается, роль, которую ты обязан тянуть, мерку, по которой оцениваешь свою жизнь.

О каждой спроси две вещи:

Для чего это было сделано изначально? и служит ли оно этому сейчас?

Если форма всё ещё служит своей цели, оставь её и неси спокойно. Если она давно живёт как святыня и цели больше не служит, выбери из трёх одну — и на этой неделе один раз поступи вопреки ей. Не объявляя, не объясняя, без спора.

Вечером запиши, что случилось. Обычно гром громче внутри, чем снаружи.

И отметь, кто в твоём окружении устоял на ногах. Это те, кто был связан с тобой, а не с формой.

Ступень вторая Изгнание

Айодхья-канда

Ключ IV Старое обещание

Фрагмент

«Из даров, которые ты тогда мне обещал, я назову их сегодня; выслушай мои слова. Идут приготовления к помазанию Рагхавы. С этими же приготовлениями помажь на царство Бхарату.

Пусть кроткий Рама, одетый в оленью шкуру, девять и пять лет живёт жизнью нищего отшельника в лесу Дандака. А Бхарата пусть получит сан наследника, очищенный от шипов. Таково моё главное желание, и я прошу лишь исполнить дар, который ты уже обещал».

Айодхья-канда, песнь XI. Царица Кайкейи говорит с царём Дашаратхой накануне помазания.

Сцена

Дашаратха состарился и решает помазать Раму в наследники. Народ ликует, город увешан гирляндами и знамёнами, обряд назначен на следующее утро. Царица Кайкейи, мать Бхараты, сначала встречает новость с радостью. Но вечером к ней приходит её старая горбатая служанка Мантхара и говорит с ней — тихо и настойчиво, — пока радость не сменяется страхом, а страх решимостью.

Придя в её покои, царь находит её лежащей на голом полу, с разбросанными вокруг украшениями. Он умоляет сказать, что случилось, и клянётся — снова и снова, самим Рамой, — что исполнит всё, о чём она попросит. Она призывает в свидетели его клятвы богов, солнце и луну, планеты, день и ночь. А потом напоминает ему давний день, войну богов с демонами, когда он лежал раненый, а она выхаживала его всю ночь, и он даровал ей два желания. Все эти годы она хранила их нетронутыми. Теперь она их называет: трон — Бхарате, четырнадцать лет изгнания — Раме.

Главная мысль

Всякое обещание, данное в опасности или в удовольствии, однажды приходит за своим, и оно не спрашивает, удобно ли тебе. Накануне коронации прошлое выставляет счёт.

Каббала

Сила обета

Смерть и жизнь во власти языка.

Так прямо говорит Книга Притчей, и еврейская традиция всегда относилась к речи с предельной серьёзностью. Сам мир сотворён словами: и сказал Бог, да будет свет. Для каббалистов человеческая речь — малое эхо этой творящей силы. Обет — не чувство. Это конструкция, поставленная в мире, и она стоит ещё долго после того, как минута, её породившая, прошла.

В еврейской Библии есть история, которая читается как тёмный близнец этой сцены. Перед битвой судья Иеффай поклялся: если вернётся с победой, принесёт в жертву то, что первым выйдет из дверей его дома ему навстречу. Вышла его единственная дочь. Обещание, данное в пылу войны, вернулось и потребовало самое дорогое. Дары Дашаратхи тоже были даны на войне, и теперь они требуют его самого дорогого сына.

Заметь и то, что делает Кайкейи, прежде чем заговорить. Она призывает в свидетели клятвы небо и землю, солнце, луну, планеты и все существа. Так же поступает Моисей в конце Второзакония: во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю. Когда свидетелем назван весь космос, слово становится законом. Традиция, создавшая торжественное разрешение от обетов накануне Дня Искупления, хорошо знала, какой тяжестью может налиться непродуманное обещание.

Суфизм

Шептун в ночи

Зло приходит от шептуна отступающего, что нашёптывает в сердца людей.

Последняя сура Корана просит убежища от *аль-васвас аль-ханнас*, отступающего шептуна, который нашёптывает в груди людей и тут же ускользает. Суфийские учителя видели в этом точное описание того, как сбивают с пути низшую душу. Нападение приходит не криком. Оно приходит тихим ночным голосом — разумным, терпеливым, делающим вид, что заботится о твоих интересах.

Мантхара и есть этот голос. Первым откликом Кайкейи на весть о коронации Рамы была щедрая радость; она даже предложила служанке драгоценность за добрую весть. Яд пришёл не из её собственного сердца. Его нашёптывали фраза за фразой, пока любовь к пасынку не стала страхом за собственного сына. У Корана есть имя для получившегося состояния: *ан-нафс аль-аммара би-с-су*, душа, повелевающая злое.

И посмотри, откуда Кайкейи выдвигает своё требование. Она лежит на полу тёмной комнаты, сняв украшения, — разыгрывает обиду. Нафс редко просит того, чего хочет, напрямую. Сначала он убеждает нас, что нас обидели, а потом подаёт своё требование как справедливость.

Веданта

Стрела, уже выпущенная

Карму, начавшую приносить плоды, приходится прожить.

Веданта различает три вида кармы. *Санчита* — огромный запас прошлых дел, ещё не созревших. *Агами* — то, что мы создаём сейчас на будущее. *Прарабдха* — карма, которая уже начала приносить плоды в этой жизни. Классический образ, которым пользовались последователи Шанкары, — стрела. Сорвавшись с тетивы, она неподвластна даже лучнику. Она будет лететь, пока не иссякнет её сила.

Дары Кайкейи — прарабдха в чистом виде. Они были даны давно, отложены, забыты царём, а теперь выпущены. И поэма скоро покажет, что в Дашаратхе сидит стрела ещё древнее. В юности, охотясь на звук в темноте, он убил юного отшельника, набравшего воду для слепых родителей, и обезумевший от горя отец проклял его: ты умрёшь от тоски по сыну. Не пройдёт и недели изгнания, как царь вспомнит это проклятие и умрёт от него.

Учение веданты — не фатализм. Это различие между телом-умом, которому придётся прожить приведённое в движение, и Атманом, который никогда и не был лучником. Следующий ключ покажет, как человек может пройти сквозь полную силу прарабдхи и не сдвинуться.

Даосизм

Лёгкие обещания

Кто легко обещает, тому мало верят.

Шестьдесят третья глава «Дао дэ цзин» предупреждает: лёгкие обещания ведут к малому доверию, а кто считает всё лёгким, встретит великие трудности. Дашаратха обещает легко не по злему умыслу. Он обещает от любви и спешки. Он клянётся Рамой снова и снова, ещё не услышав, в чём клянётся. Кайкейи сама это отмечает: ты клянёшься раз за разом.

Даос заметил бы и время. Девятая глава говорит, что зал, полный золота и нефрита, невозможно уберечь, и что путь Неба — отступить, когда дело сделано. Пятьдесят восьмая добавляет: счастье опирается на несчастье, а несчастье прячется в счастье. Ночь накануне коронации, когда весь город в гирляндах и всё готово, и есть миг наибольшей полноты, а значит, наибольшей опасности.

С даосской точки зрения в этой сцене нет ничего внезапного. Переворот был заключён в полноте с самого начала, как зима заключена в середине лета. То, что выглядит катастрофой, — просто движение Пути, возвращающего слишком высоко поднятое обратно к земле.

Герметизм

Правители судьбы

Тело живёт под властью семи правителей, и их правление зовётся Судьбой.

«Поймандр» рассказывает, как творящий Ум создал семь правителей, планетные силы, которые окружают чувственный мир, и их правление называется *хеймармене*, Судьба. Душа, спускающаяся в тело, переходит под их власть. Другие трактаты «Герметического свода» объясняют, что всё телесное подвластно Судьбе, но Ум внутри человека может стоять над ней.

Вслушайся ещё раз в список свидетелей, которых призывает Кайкейи: тридцать три бога, Солнце, Луна, Небо, Планеты, Ночь и День, стороны света, Земля. Это почти перечень герметических правителей. Она не просто просит мужа сдержать слово. Она вплетает его обещание в механизм космоса и отдаёт его под власть самой Судьбы.

Потому царю и некуда деться. Как царь, как муж, как тело, он живёт под правителями. Герметический вопрос в том, стоит ли кто-нибудь в этой истории над ними. Ответ придёт в следующей же сцене, когда тот, против кого направлен приговор, выслушает его, не дрогнув ни одной чертой.

Юнгианская психология

Неосознанное

Внутренняя ситуация, которая не осознана, случается снаружи как судьба.

В «Эоне» Юнг сформулировал психологический закон, точно подходящий к этому ключу: когда внутренняя ситуация не осознана, она происходит снаружи — как судьба. Дашаратха ни разу не взглянул на обещание, данное на войне. Он ни разу не спросил, что чувствует его любимая царица, когда он строит планы для сына другой женщины. Он ни разу не встретился со своей виной за убитого юного отшельника. И всё это приходит теперь снаружи, катастрофой.

Показательны и те, кто её приносят. Мантхара стара, уродлива, служанка, самый низкий человек на женской половине — почти хрестоматийный образ Тени, презираемой и заброшенной части психики, которая говорит только шёпотом и только ночью. А Кайкейи, красивая молодая царица, когда-то спасшая царю жизнь, несёт то, что Юнг назвал бы негативной анимой: женскую сторону мужской психики, обращённую против него, потому что ею пользовались, а не вступали с ней в отношения.

Самая глубокая деталь — клятва. Царь клянётся Рамой, тем самым, что любит больше всего, что исполнит всё, о чём попросит Кайкейи. Неисследованная психика всегда совершает эту ошибку. Она ставит самое ценное на обещание, которого не прочла.

Путь Рамы

Переворот

Где ты сейчас: накануне своей коронации, когда всё готово и весь город ждёт.

Что умирает: уверенность, что твоя жизнь принадлежит только твоим нынешним намерениям и у прошлого нет на тебя прав.

Что рождается: осознание старых обещаний и скрытых долгов, которые входят в твоё наследство и которые теперь придётся прожить.

Универсальный паттерн

Шесть традиций сходятся в том, что данное слово становится в мире силой со своей собственной жизнью: обет, который стоит, шёпот, который действует, стрела в полёте, лёгкое обещание, подрывающее доверие, приговор планетных правителей, бессознательное содержание, возвращающееся судьбой. Ни одна не считает требование Кайкейи случайной бедой. Во всякой традиции то, что приходит накануне коронации, было приведено в движение задолго до неё.

Евангелие от Марка рассказывает похожую историю. На пиру в свой день рождения царь Ирод так восхитился пляской падчерицы, что поклялся при гостях дать ей всё, чего она попросит, хоть полцарства. По наущению матери она попросила голову Иоанна Крестителя. Царь опечалился, пишет Марк, но ради клятвы и возлежавших с ним не захотел ей отказать.

Русскому читателю этот рисунок знаком с детства. В сказке, которую Жуковский пересказал как «Сказку о царе Берендее», царь, томимый жаждой, склоняется к колодезю, и его хватают за бороду: отдай то, чего дома не знаешь. Царь соглашается легко — что может быть у него дома незнакомого? — а дома его ждёт сын, родившийся без него. Обещание, данное в нужде, всегда называет цену не сразу, и узнают её всегда слишком поздно.

Практика

Старые обещания

Выпиши обещания, которые до сих пор тихо управляют твоей жизнью. Включи и данные другим, и данные себе: я никогда не буду бедным, как родители; я всегда буду тем, на ком всё держится; я никогда не попрошу о помощи.

Отметь те, что даны в страхе, в боли или в минуту удовольствия и благодарности — когда ты на самом деле не выбирал.

О каждом отмеченном спроси:

Если бы оно завтра пришло за своим, что бы оно потребовало?

Выбери одно и рассмотри его при дневном свете. Какие-то обещания стоит сдержать. Какие-то стоит сознательно пересмотреть — прежде чем они придут за самым дорогим.

Ключ V

Освобождённый при жизни

Фрагмент

«Да будет так, как ты говоришь. Исполняя обещание царя, я уйду отсюда в лес, надев лыко и спутанные волосы».

Утрата царства не могла умалить великой красоты этого любимца народа, ибо прелесть его была неизменна, — как не умаляет луну её убывание. Не видно было в нём никакой перемены духа, хотя он готовился уйти изгнанником в лес и оставить мир, — словно тот, кто освобождён ещё при жизни.

Айодхья-канда, песнь XIX. Рама отвечает Кайкейи и покидает покои царя.

Сцена

Утром Раму зовут к отцу, и он идёт, ожидая помазания. Он находит отца сломленным и онемевшим, и приговор ему объявляет Кайкейи. Рама не спорит. Он спрашивает только, почему отец не говорит с ним, тут же соглашается уйти и выходит из дворца с неизменившимся лицом. Брат его Лакшмана в ярости и уговаривает взять трон силой. Рама отказывается. Мать его Каусалья в отчаянии. Сита требует взять её с собой, и когда он предупреждает её о тяготах леса, отказа она не принимает. Не остаётся и Лакшмана.

Трое меняют царские одежды на одеяния из лыка. Сита, никогда такого не носившая, не знает, как его надеть, и Рама сам завязывает на ней одежду. Весь город с плачем идёт за ними, и ночью, на берегу реки Тамаса, Рама незаметно уходит от спящей толпы. А в Айодхье через несколько дней старый царь вспоминает своё юношеское преступление и проклятие, которое за ним последовало, и умирает от горя.

Главная мысль

Рама теряет царство за одно утро, и его лицо не меняется. Свобода — не в том, чтобы потеря тебя не коснулась. Она в том, что потеря не находит внутри никого, кто бы за неё цеплялся.

Каббала

Шхина уходит в изгнание

Куда бы ни был изгнан Израиль, Присутствие шло вместе с ним.

Талмуд в трактате «Мегила» учит: куда бы ни изгоняли сынов Израиля, Шхина, божественное Присутствие, уходила в изгнание вместе с ними — в Египет, в Вавилон, во всякую землю их скитаний. Каббалисты построили на этом целое богословие. Изгнание — не только человеческая кара. Это состояние, которое Бог решает разделить.

Отказ Ситы остаться — это учение в человеческом облике. Она дочь земли, невеста, воплощающая само присутствие, и она не станет жить во дворце, когда законный царь в лесу. Куда он, туда и она. Царство теряет царя, но царь не теряет своей Шхины.

Ответ самого Рамы отзывается в одной из самых известных историй Талмуда. Мудреца по имени Нахум прозвали Иш Гамзу, «человек и-это-тоже», потому что, что бы с ним ни случилось, он говорил: *гам зу ле-това*, и это к добру. Это не отрицание потери. Это отказ позволить потере решать, что вещи значат.

Суфизм

Чужеземец или путник

Будь в этом мире, как чужеземец или как проходящий дорогой.

Пророк Мухаммад, согласно хадису у Бухари, взял Ибн Умара за плечо и сказал ему: будь в этом мире, как чужеземец или путник. Суфии повторяют эти слова двенадцать веков как самую суть своего пути. Путник пользуется постоянным двором, но не принимает его за дом.

Рама выходит из отцовского дворца именно так. Корону он ещё не надел, но всё было готово: зонт, опахала, колесница, ликующий город. Он оставляет их, не оглядываясь. Поэт замечает, что на нём нет даже внешних знаков печали. Он был путником уже во дворце; лес лишь делает это видимым.

Суфии описывают череду стоянок на пути: терпение, *сабр*, в котором человек выносит посланное Богом, и за ним довольство, *рида*, в котором человек уже и не желает, чтобы было иначе. Коран говорит: быть может, вам ненавистно то, что для вас благо. Рама не выносит приговор, стиснув зубы. Он принимает его, как путник принимает очередной поворот дороги.

Веданта

Утвердившийся в мудрости

Тот, чей ум не колеблется в скорби и не жаждет удовольствий, зовётся мудрецом утвердившийся мудрости.

Поэма сама употребляет ведантийское понятие. Рама уходит в изгнание, словно освобождённый ещё при жизни, — *дживанмукта*, постигший Атман и продолжающий жить в теле. Это высший идеал адвайта-веданты, и Вальмики помещает его ровно в то мгновение, когда любого обычного человека смяло бы.

Во второй главе «Бхагавадгиты» Кришна называет такого человека *стхитапраджня*, утвердившийся в мудрости: невозмутимый в скорби, свободный от жажды в радости, за пределами привязанности, страха и гнева. Чуть раньше он говорит Арджуне, что соприкосновения чувств, приносящие жар и холод, удовольствие и боль, приходят и уходят и не длятся. Переноси их терпеливо. Кого они не тревожат, тот пригоден для бессмертия.

Ведантийское прозрение здесь тонкое. Рама не подавляет горе и не равнодушен: он тревожится о матери, он хочет понять отца. Чего он не делает — так это не отождествляет себя с потерей. Царство никогда не было Атманом. Поэтому, когда уходит царство, ничего существенного не уходит вместе с ним, и лицо, как говорит поэт, сохраняет красоту, как луна, которая кажется убывающей, но не убывает.

Даосизм

Одна ветка в лесу

Крапивнику, что вьёт гнездо в глубоком лесу, нужно не больше одной ветки.

В первой главе «Чжуан-цзы» мудрый государь Яо хочет передать Поднебесную отшельнику Сюй Ю. Сюй Ю отказывается. Что мне с ней делать? — спрашивает он. Крапивник, вью-

ший гнездо в глубоком лесу, занимает не больше одной ветки; крот, пьющий из реки, берёт не больше полного брюха. Возвращайся домой, государь. Мне Поднебесная ни к чему.

Рама теряет то, от чего отказался Сюй Ю, и отвечает почти с той же лёгкостью. Сорок четвёртая глава «Дао дэ цзин» спрашивает: что дороже — слава или ты сам? Что ценнее — ты сам или имущество? Кто знает меру, заключает она, тот не будет опозорен; кто знает, где остановиться, тот не будет в опасности.

Даос заметил бы и то, что Рама уходит мягко. Лакшмана хочет драться, город хочет идти следом, а Рама ночью, пока толпа спит на берегу, тихо уходит. Он не соперничает. Кто не соперничает, говорит «Дао дэ цзин», с тем никто не может соперничать.

Герметизм

Вернуть одежды

Душа восходит, возвращая на каждой ступени то, что получила на пути вниз.

В конце «Поймандра» божественный Ум описывает восхождение души после смерти. Поднимаясь сквозь семь планетных сфер, она на каждом уровне отдаёт то качество, которое получила при спуске: первой — силу роста и убывания, второй — злые ухищрения, третьей — обман вожеления, четвёртой — надменность власти, и так через все семь. Свлёкши с себя всё, что дали ей сферы, душа приходит к восьмой облечённая только собственной силой и присоединяется к гимну тех, кто там.

Уход Рамы — это восхождение в миниатюре, совершённое при жизни. Он возвращает зонтик и царские опашала, колесницу и город, одежды царевича. Он надевает лыко, самое простое покрытие, какое даёт мир. Среди того, что душа должна вернуть, «Поймандр» называет надменность власти, и именно её Рама отдаёт первой.

Деталь с Ситой, не умеющей надеть лыковую одежду, тоже стоит внимания герметиста. Душа так долго носила тонкие ткани, что разучилась одеваться просто. Завязать на ней одежду должен тот, кто уже умеет носить меньше.

Юнгианская психология

Совлечение персоны

Лес — это бессознательное, и в царских одеждах туда не входят.

Коронация стала бы вершиной персоны Рамы — социальной маски, через которую человек встречается с миром. Юнг предупреждал, что отождествление с персоной — одна из главных опасностей первой половины жизни: человек становится своей должностью и забывает, что под ней кто-то есть. С Рамы персону снимают прежде, чем он успел её надеть. Остаётся вопрос, кто он без неё.

В мифах и снах, замечал Юнг, лес — один из самых постоянных образов бессознательного: тёмный, бездорожный, полный неведомых существ, место, где кончается дорога сознания. Рама уходит туда не один. Сита, которую Юнг прочёл бы как аниму, образ души, отказывается остаться. А Лакшмана, преданный до ярости, несёт тот гнев, которого не показывает сам Рама. Психика, входящая в бессознательное, не идёт туда одна. Она берёт с собой свою душу и свою невысказанную страсть.

И старый царь умирает. На языке Юнга правящий принцип прежнего порядка, господствующая установка сознания, не может пережить такой переход. Смерть Дашаратхи — не только трагедия. Это конец эпохи в психике, и он расчищает место для того, что однажды вернётся из леса.

Путь Рамы

Уход

Где ты сейчас: у городских ворот, лишённый роли, которую должен был получить, и только с теми, кто сам решил пойти за тобой.

Что умирает: отождествление с положением, титулом и одобрением толпы.

Что рождается: невозмутимость: «я», которое остаётся собой, когда у него отняли всё, чем оно владело.

Универсальный паттерн

Шесть традиций описывают одно и то же самообладание в миг потери. Присутствие уходит в изгнание вместе с тем, кого любит; путник проходит сквозь постоянный двор; утвердившийся в мудрости не колеблется; крапивнику довольно одной ветки; восходящая душа возвращает одежды; персона спадает, и психика входит в лес. Ни одна традиция не требует от ищущего ничего не чувствовать. Все требуют не становиться тем, что потеряно.

Буддийское предание рассказывает о Великом уходе. Юный царевич Сиддхаттха, которому суждено было стать царём, ночью, пока весь дом спал, покинул дворец отца. На краю леса, говорят традиционные жизнеописания, он срезал волосы, сменил царские одежды на грубое платье охотника и отослал домой коня и возничего.

Русская история знает свой вариант этой сцены, и он ближе к Раме, чем кажется. Когда умер великий князь Владимир, дружина пришла к его сыну Борису и сказала: иди, сядь в Киеве на отцовский стол, войско с тобой. Борис отказался поднять руку на старшего брата и отпустил дружину. Как и Рама, он отверг трон, который можно было взять силой, и русская Церковь сделала его одним из первых своих святых — не за победу, а за этот отказ.

Практика

Лыковая одежда

Выбери одну роль, с которой ты сильно себя отождествляешь: должность, профессию, репутацию, место в семье.

Целый день не упоминай её, не пользуйся ею и не позволяй ей принимать за тебя ни одного решения. Представляйся без неё. Действуй без её авторитета.

Вечером запиши ответ на один вопрос:

Кто остался, когда роли не стало?

Заметь и то, менялось ли за день твоё лицо. У Рамы оно не менялось. У тебя может. Это полезные сведения, а не провал.

Ключ VI Сандалии на троне

Фрагмент

«Это царство вверено мне на хранение; и эти украшенные золотом сандалии будут вершить дело правления, оберегая то, что есть у народа, и доставляя ему то, чего у него нет».

«Скорее держите над этими сандалиями зонт. Они — милые стопы возвышенного. Через сандалии моего старшего утвердятся царский порядок. Это царство из любви вверено мне на хранение; потому я буду править им, пока не придёт Рагхава».

Айодхья-канда, песнь CXV. Бхарата говорит в Нандиграме.

Сцена

Бхарата гостил при дворе своего дяди и ничего не знает. Вернувшись, он находит отца мёртвым, брата в изгнании, а трон ждущим его — добытым интригой его матери. Он не радуется. Он обрушивается на Кайкейи с такой яростью, что двор пугается, отказывается от короны и вместе со всем войском и жителями Айодхьи отправляется в лес, чтобы найти Раму и вернуть его.

Он находит Раму на горе Читракута и умоляет вернуться. Рама не нарушит слова умершего отца. Тогда Бхарата просит одного — сандалии брата. Он ставит их на голову царского слона, увозит, водружает на трон под царским зонтом и правит от их имени. В столицу он даже не входит. Четырнадцать лет он живёт отшельником в селении Нандиграма, в лыке и со спутанными волосами, и даёт обет взойти на костёр, если в день окончания изгнания Рама не вернётся.

Главная мысль

Бхарата получает царство и отказывается на нём сидеть. Истинный трон держат на хранении — тёплым для того, кого нет рядом.

Каббала

Кресло Илии

Место хранят для того, кто ещё не пришёл.

На каждом еврейском обрезании ставят пустое кресло для пророка Илии, и на каждом пасхальном столе его ждёт чаша вина. Илия — вестник избавления, тот, чей приход возвещает конец изгнания. Пустое кресло и нетронутая чаша — не трогательное украшение. Это акт веры, совершаемый из года в год: дом выстраивает себя вокруг того, кто ещё не пришёл.

Бхарата делает именно это с тронном Айодхьи. Он не оставляет его пустым: это было бы брошенностью. И не занимает его сам: это было бы узурпацией. Он кладёт туда сандалии, знак законного царя, и выстраивает всё царство вокруг отсутствия. Каждый указ издаётся от имени стоп, которые идут где-то по лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.